

Не успел я додумать, как тело мое приподнялось — Тунь Шэ На Линь взвалил меня на спину.

Я обхватил его шею, и ноздрей коснулся тонкий, одинокий аромат благовоний. Спина, к которой я прижимался грудью, была твердой и ледяной, без малейшего намека на живое тепло — совсем не как у человека. Когда же я мельком взглянул на темный провал туннеля в конце каменного моста, в душе зародился жуткий страх: а что, если этот мост... на самом деле мост Нэхэ, ведущий в загробный мир?

И этот Тунь Шэ На Линь... не проводник ли он душ?

Меня пробрал озноб.

— Тунь Шэ На Линь... почему ты такой... ледяной?

Он не ответил, и спину мне мгновенно покрыл холодный пот.

— Я... я лучше сам пойду.

Стоило мне ослабить хватку на его шее, как ледяные пальцы, державшие меня за лодыжку, резко сжались.

— У меня... недуг.

— А, о-о... — Вот оно что. Я усмехнулся про себя, решив, что и впрямь схожу с ума от страха. Разве может нечисть быть такой... осязаемой, видимой, да еще и... такой красивой?

Мы вошли в туннель, и через несколько шагов свет фонаря выхватил из тьмы двустворчатую каменную дверь, сплошь покрытую барельефами.

Я не успел толком разглядеть узоры — створки с грохотом разошлись сами собой. Я хотел было попросить Тунь Шэ На Линя опустить меня, но он уже шагнул внутрь, по-прежнему неся меня на спине.

В следующее мгновение дверь за нами захлопнулась.

Рука, державшая мою лодыжку, наконец разжалась. Ноги затекли, и я сполз на землю. Тунь Шэ На Линь прошел вперед, поднял руку и установил фонарь-череп где-то наверху. Лишь тогда я смог кое-как разглядеть помещение.

Это был внутренний двор с квадратной галереей по периметру. В центре росло древнее дерево, такое толстое, что и троим не обхватить. Узловатые, змеящиеся серо-коричневые лианы густо

оплетали землю, стены и взбирались вверх по массивным каменным колоннам. Проследив за их ростом взглядом, я поднял голову. Надо мной возвышалась очень высокая башня, похожая на древний дворец, этажей в семь или восемь. На самом верху виднелся круглый купол под открытым небом, а сквозь крону огромного дерева проглядывала половинка тусклого серпа луны.

Устройство этого места напомнило мне Та Прум в Ангкор-Вате — храм, где башни и деревья сплелись воедино. Древний, суровый, таинственный, он словно впитал в себя тысячелетия и стал с ними одним целым.

Мой взгляд упал на фигуру Тунь Шэ На Линя перед деревом, и в памяти всплыл странный сон прошлой ночи. Стало немного не по себе, но, как ни парадоксально, желание рисовать вспыхнуло с новой силой. Если бы в объятиях этих древних руин этот слепой красавец с черными волосами и снежной кожей согласился обнажиться, сесть под сенью древнего дерева, позволив лианам обвиться вокруг тела, а сухим листьям осыпать его, — я бы точно смог создать шедевр на тему смерти и возрождения.

— Можешь отдохнуть здесь.

Голос Тунь Шэ На Линя внезапно прервал мои фантазии. Я подошел к нему и заметил, что корни дерева росли кольцом, образуя в центре пустоту. Эта пустота была устлана толстым слоем шкур неведомых зверей, отчего все это походило на птичье гнездо.

— Ты обычно спишь здесь?

До чего дико!

Усмехнувшись, я снял ботинки и ступил на шкуры. Они оказались очень мягкими. Нога тут же провалилась — похоже, снизу гнездо поддерживали лианы. Сделав еще шаг, я наткнулся на что-то твердое и плоское.

Сгорая от любопытства, я опустился на колени, собираясь приподнять шкуру и посмотреть, что там, но мою руку резко перехватили.

Я вздрогнул и поднял голову. Тунь Шэ На Линь смотрел на меня сверху вниз. Его лицо тонуло в тени, выражение было неразличимо, слышался лишь мрачный голос:

— Внизу грязно.

Я отдернул руку. Сомнение вновь зашевелилось в душе: он действительно не видит? Или это я, заметив повязку, поспешил с выводами?

Тунь Шэ На Линь опустился на колени рядом со мной. Спина его оставалась неестественно

прямой, в его позе не было ни капли расслабленности хозяина — скорее, он походил на стража гробницы или тюремщика, надзирающего за узником.

Выглядел он до жути странно и немного забавно, но я вспомнил его слова о недуге и о том, что не знаю наверняка, слеп ли он. Хотелось рассмеяться, но я не смел. Сидеть вот так, на коленях друг напротив друга, было ужасно неловко, будто перед свадебной церемонией. Прикрывая кулаком рвущуюся наружу улыбку, я кашлянул:

— Тунь Шэ На Линь, твои глаза... это болезнь?

— Боятся... света, — глухо ответил он.

Значит, он все-таки не слепой. Неудивительно.

— Можно посмотреть? — вырвалось у меня прежде, чем я успел подумать.

Тунь Шэ На Линь молчал, казалось, он пристально разглядывает меня сквозь черную ткань. Я тут же пожалел о своей бестактности. Моя просьба была продиктована исключительно желанием художника узреть лик своей Музы во всей полноте, без всяких задних мыслей. Но его реакция выставила меня легкомысленным — конечно, будь он гетеросексуалом, таких мыслей бы не возникло, но я почувствовал себя виноватым.

— Ничего такого, просто любопытно, — я криво улыбнулся. — Я художник, всегда слишком много внимания обращаю на внешность людей. Профессиональная деформация, извини.

— Худож... ник? — повторил Тунь Шэ На Линь, и в его голосе наконец-то послышались хоть какие-то интонации.

Пальцы его рук, лежавших на коленях, слегка согнулись, на тыльной стороне ладоней проступили бледные голубые жилки. Казалось, моя профессия вызвала у него сильные эмоции. Опасаясь, что ненароком нарушил какое-то табу и вызвал неприязнь у своей Музы, я поспешно добавил с улыбкой:

— То есть ремесленник. Такой же, как у вас в деревне. Просто... называется по-другому.

О боги, если моя профессия ему неприятна, как мне попросить его стать моей моделью? Не говоря уже о том, чтобы заставить его раскрыть душу и позволить пленить себя моей кистью? Я считал себя обаятельным мужчиной, и даже с Мин Ло, поначалу таким легкомысленным, мне было легко найти общий язык. Но с Тунь Шэ На Линем... я не чувствовал ни капли уверенности.

— Что ты обычно... рисуешь?

Пока я лихорадочно соображал, что сказать дальше, он неожиданно поддержал разговор.

Похоже, отвращения он не испытывал.

Я внутренне возликовал:

— Людей. Рисую людей.

— Многих... ты нарисовал?

Я удивленно вскинул брови:

— Многих.

Не знаю почему, но после этих слов я почувствовал, как атмосфера вокруг неуловимо изменилась. Даже фонарь-череп, висевший на ветке над нами, мигнул, и пламя стало слабее.

— Многих, — он скованно кивнул. — И всех... ты рисовал по доброй воле?

Я удивился еще больше:

— Разумеется. Кто же может заставить меня рисовать?

— Это... хорошо, — глухо произнес он.

Мне показалось, что мои слова напомнили ему о чем-то неприятном, и я улыбнулся:

— Хотя, когда я только начинал учиться в юности, меня действительно заставляли рисовать. Сотни шаров и кубов в день, потом гипсовые слепки — скука смертная. Я тогда ненавидел рисовать, пока... пока в студию не пришел мальчик примерно моего возраста. Мы позировали друг другу, и вот тогда я полюбил рисовать людей.

Он был моей первой Музой и моей недолгой, оборвавшейся первой любовью. Но я не собирался рассказывать об этом едва знакомому мужчине, просто хотел отвлечь его. Неожиданно пламя свечи мигнуло и погасло. Вокруг воцарилась кромешная тьма.

Вскрикнув от испуга, я схватил Тунь Шэ На Линя за руку:

— Свеча догорела?

Он не шелохнулся. В темноте раздался его тихий, ледяной голос:

— Ты рисовал... многих... А мертвых... ты рисовал?

Меня пробрал озноб, кожа покрылась мурашками.

— К-конечно, нет! Я не медик, мне не нужны «учителя» из морга. К чему ты спрашиваешь?

— Ты не такой, как... деревенский ремесленник. Он рисует... только мертвых.

— Тунь Шэ На Линь! — негромко воскликнул я. Он же знает, что я боюсь, неужели нарочно пугает меня, издевается? Может, он только с виду такой серьезный, а на самом деле... Но нет, он не похож на такого человека.

— А ты бы согласился... рисовать мертвых? — не унимался он.

Я невольно вспомнил голову марионетки, нарисованную тем ремесленником, странную куклу, севшую в кровати в ту дождливую ночь, и погибшего водителя. Холод волнами поднимался из глубины души. Казалось, что бы я ни ответил — «да» или «нет», — последствий не избежать. Страх был таким сильным, что мне захотелось сказать хоть что-нибудь, лишь бы развеять зловещую атмосферу, сгустившуюся от его слов:

— Не хочу я рисовать мертвых! Я хочу рисовать только красавцев! Я хочу рисовать тебя!

Стало чуть светлее. Я поднял голову и увидел, что фонарь-череп над нами снова загорелся сам по себе. С облегчением выдохнув, я осознал, что только что сказал.

...Хотя слова и вырвались немного резко, но что сказано, то сказано. Лицо его оставалось непроницаемым, невозможно было понять, что он думает о моем признании его красоты и желании нарисовать его, мужчину. Но, по крайней мере, я не заметил и тени отвращения. Осмелев, я решил воспользоваться моментом:

— Деревенский ремесленник рисует только мертвых, значит, он точно тебя не рисовал. — Я улыбнулся, глядя на него. — Если никто не может запечатлеть тебя на холсте, это же... непозволительное расточительство даров небес.

Моя похвала, хоть и звучала немного преувеличенно, была искренней. Только не знаю, обрадует ли она его.

— Ты хочешь... рисовать меня? — помолчав, наконец спросил Тунь Шэ На Линь. — Ты считаешь меня... красивым?

О боги. Наверное, только в глуши можно встретить такую красоту, не осознающую себя. Поистине редчайший необработанный нефрит. Я с жалостью посмотрел на черную повязку на его глазах:

— Тунь Шэ На Линь, ты, как и остальные в этой деревне, никогда не выходил наружу?

— Наружу?.. Куда?

— Во внешний мир. Ты... не хочешь посмотреть? — понизил я голос, чувствуя себя Змеем-искусителем, соблазняющим Еву покинуть Эдем. Ведь кто может гарантировать, что, позволив нефриту пройти огранку, чистому листу — окраситься, этому высокомерному и таинственному существу — выйти отсюда, я поступлю правильно? Мною двигали лишь мирские желания, творческий пыл — стремление заманить свою Музу в ловушку.

Я упустил Мин Ло, я не должен упустить его.

Тунь Шэ На Линь остался безучастен, не ответил. Похоже, внешний мир его не манил.

Видя, что он не клюет, я продолжил свое «благое» искушение:

— Может быть, тот, кого ты ждешь, уже давно освоился во внешнем мире, и сердце его очерствело, он не хочет возвращаться? Ты не собираешься его поискать? Разве можно дожидаться, просто сидя на месте? — Я понизил голос. — Это ведь твоя возлюбленная, так?

Эти слова, похоже, задели его за живое. Губы Тунь Шэ На Линя слегка сжались, но он ничего не подтвердил и не опроверг. Однако я был уверен в своей догадке.

— Жаль, что здесь нет ни рисовальных принадлежностей, ни интернета. Иначе я мог бы нарисовать ее по твоему описанию, выложить в сеть — возможно, мы бы быстро ее нашли.

— Я выходил. Искал. Искал очень, очень долго, — внезапно произнес он.

— А? — Я опешил. — Ты... выходил искать?

Он кивнул.

— Так ты выходил отсюда!

Я внутренне обрадовался. Я-то думал, что всем жителям деревни запрещено покидать ее пределы. Похоже, это не так. По крайней мере, Тунь Шэ На Линь был исключением. Может, он тоже «Проводник»?

<http://bllate.org/book/13365/1188549>